

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-97>

УДК 81-25

МАРКЕРЫ УКОРЕНЕННОСТИ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЙ ПО РЕКЕ ЕНИСЕЙ¹

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Изучение современного состояния самовосприятия жителей сельских поселений Приенисейской Сибири должно опираться на предшествующий опыт изучения «колонизации» (освоения) Сибири в ее различных видах.

В работе рассмотрены параметры «укорененности» (стабильности) как семантического комплекса, противопоставляемого «мобильности». Материалом послужила речь русскоязычных жителей поселений по реке Енисей, а также жителей поселков на полуострове Таймыр Красноярского края. Автором наблюдается подчеркивание информантами стабильного состояния в актуально наблюдаемое время. Для указания на «укорененность» информанты используют лексемы с семантикой нахождения на месте, происхождения от достойного предка, хозяйственной или иной вынужденности предшествующих переселений, топонимы с указанием на освоенность территории.

Автор приходит к выводам о демонстрируемой собирателю значимости для информанта как функционального распорядителя местности статуса постоянного пребывания и полноценного обладания собственной территорией поселения в целом и его окрестностями.

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь, признаки укорененности, наблюдения над речью, противопоставление мобильности и стабильности.

Постановка проблемы. В работе делается попытка обратить внимание на своеобразное явление, фиксируемое собирателями-филологами при общении в полевых условиях с жителями относительно удаленных поселений: информанты в беседе и ответах на вопросы сосредоточиваются на собственном пребывании в данном месте. В ходе обсуждения этой темы информанты говорят об обстоятельствах появления либо личных, либо собственного рода в данном населенном пункте исторических фактах, причинах, отдельных событиях и т.п. Поскольку эта сосредоточенность не формируется извне, а переживается информантами как актуальная, следует, очевидно, признать ее достойной внимания.

Цель данной статьи – описать некоторые маркеры укорененности в данном месте, которые противопоставляются информантами показателям «летучести», «подвижности», иначе – мобильности.

Полевой материал для исследования собран в значительной мере в экспедиционных поездках по населенным пунктам на р. Енисей, на Таймыре по рр. Хета,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00492 «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы».

Котуй, Хатанга в 2020–2021 гг. Информантами выступили не только этнические русские жители поселений (староверы, «новоправославные», лица, индифферентные к религиозным различиям), но и долгане, ненцы, энцы.

В целом семантика мобильности характерна для территорий вторичного или даже третичного заселения, к которым привычно относят Центральную, Восточную Сибирь и ряд других территорий. Приенисейская Сибирь и ее пространство становились объектом научного интереса этнологов, изучающих этнические контакты и перемещения в обозримом прошлом народов и этнических общностей данной территории. Несколько более ранние, не отмеченные в памятниках устной истории, фольклора артефакты, окрашенные этнически, собираются археологами по берегам рек Енисей, Ангара и их притокам. Как пишет Н.П. Макаров, на основе широкого круга археологических источников, хранящихся в фондах музеев, данных научной литературы, архивных документов, можно составить «реконструкцию сложных процессов культурогенеза коренных народов Красноярского края в различные периоды каменного, бронзового, железного веков, а также эпохи Средневековья» [Макаров, 2013, с. 841; Макаров, Баташев, 2013].

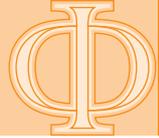
Древнейшие и древние факторы миграции/оседлости едва ли могут получить твердую опору в языковых фактах. Более обстоятельно и доказательно можно говорить об исторически зафиксированных фактах и процессах взаимодействия русских в Сибири с сибирскими этносами.

Как пишет М.К. Чуркин, «обстоятельное исследование условий адаптации русских сибиряков в регионе, среди которых одну из решающих функций выполнял природно-географический фактор, было проведено Б.Е. Андюсевым», «наибольшее влияние на формирование хозяйственной инфраструктуры, приспособительную изменчивость и традиционное сознание сибирского населения оказывали естественно-географические, природные факторы <...> постоянство адаптационных процессов вырабатывает у всех жителей региона адекватные адаптивные стратегии» [Чуркин², 2007, с. 223].

По мнению О.В. и Н.О. Щупленковых, «в зависимости от социального состава населения и его общественного положения переселения в истории дореволюционного периода проходили в следующих основных формах колонизации: военной, казачьей, крестьянской, криминальной и т.д.» [Щупленков О.В., Щупленков Н.О., 2013, с. 32].

Эти формы переселений описаны Н.М. Ядринцевым: «В XVIII столетии началось казенное заселение трактов и линий. Правительству понадобилось соединить промежуточными пунктами намеченные острогами и крепостями границы завоеваний. <...> с XVIII столетия начинают ограждаться границы посредством казачьих линий и поселений. <...> Вслед за военной и казенной колонизацией следует промышленная, торговая и вольно-народная колонизация. Промышлен-

² Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: дис. ... д-ра ист. наук. Омск: ОмГПУ, 2007. 500 с.

ники и искатели богатств наполняют Сибирь не менее гулящих людей, они рыщут по сибирским пространствам, по глухой тайге и прокладывают тропы, они создают блокгаузы, промышленные избышки и даже предшествуют военной колонизации» [Ядринцев, 1882, с. 132]. Тот же исследователь отмечает, что «вслед за перемещением является искание места для водворения, затем процесс обзаведения» [Ядринцев, 1882, с. 151].

Как видим, процессы и семантика мобильности находятся в динамическом равновесии с семантическим комплексом «устойчивости», «оседлости», «пробытия на постоянном месте», «укоренения».

Особенно четко и остро такое противопоставление возникает в ситуации организованной «сверху» активности по освоению восточных земель и перемещению людских масс. В целом укрупненно можно выделить виды и причины переселения – сельскохозяйственное и промышленное. Однако, как наблюдаем у Н.М. Ядринцева выше, можно более подробно описать явление («промышленная, торговая и вольно-народная колонизация», причем лексема «вольно-народная» должна пониматься как ‘спонтанная’, ‘неуправляемая’?).

В конце XIX в., а затем уже после Октябрьской революции возникает идея овладения сырьевыми богатствами Сибири и Дальнего Востока, строительства производств и городских поселений вокруг них, обустройства новых транспортных путей. Плановое хозяйство советского времени предполагает перемещение трудовых масс согласно плану, включая и потоки внутри системы ГУЛАГа.

Результаты исследования. Таким образом, появляются волны перемещений, которые оставили после себя крупные и небольшие промышленные города, городки, поселки (трудовая вербовка, оргнаборы, ссылка и заключение в лагеря, организация навигации, метеорологической службы, военных городков), и такие же волны повлияли на местное укорененное уже население в сельской местности в Енисейской Сибири с сельским типом хозяйствования (это и ссылки, и эвакуация, и «укрупнение» населенных пунктов) [Резун, Шиловский 2005; Тимошенко, 2013; 2018].

Цели российского государства, по мнению исследователей, заключались не в перемещении граждан из одних районов страны в другие, а в заселении этих районов россиянами. Поощрялась служба в казачьих войсках, для снабжения служилых людей продовольствием в Сибирь привлекались крестьяне, которые также получали от казны существенную поддержку. Переселенцам выдавались «подорожные», они обеспечивались транспортом, освобождались от налогов. Переселенцы же распространили более передовые способы хозяйствования до Полярного круга [Резун, Шиловский, 2005, с. 69].

Многие авторы представляют Сибирь (уже в советский период) как активно развивающуюся территорию, на которой поэтапно с запада на восток реализовывались крупные социально-экономические программы, осваивались месторождения, строились новые населенные пункты, в которых формировался урбанистический образ жизни.

Комплекс государственных мобилизационных мероприятий позволил расселить по территории страны русское население, распространить в многонациональном государстве русскую хозяйственную культуру, в то же время аккумулировать в едином экономическом пространстве традиции разных народов России. Мобилизационный характер государственной политики исторически становился мощным фактором сохранения территории страны, ее целостности и экономического единства в рамках централизованного государственного управления [Тимошенко, 2013].

Примерно такого же плана, но весьма масштабным по размахам, перемещениям стало освоение целинных и залежных земель Казахстана и Сибири [Зеленин, 1998; Занданова, 1997].

Примечательно идеолого-текстовое оформление «движения на Восток = освоения целины», ср. стихи поэта Романа Тимофеева в песне «Комсомольская»: «Сегодня комсомольцы уезжают / В далекую непаханую степь» [Романтика...].

Отъезд (=мобильность) завершается логическим образом к сезонным действиям пахоты, сева, сбора урожая, пахоты (=стабильность, оседлость): «По примеру товарищей старших, / возводивших в глуши города, / немудреный багаж свой собравши, / мы сегодня стремимся туда, / где колхозной весной не сеют, / где в осеннюю пору не жнут, / где поэтому ныне нужнее / наш задорный, настойчивый труд» [Ветлугин, 1954, с. 2].

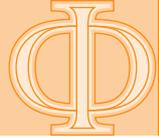
Освоение новых земель приводит к тому, что «Едем мы, друзья, / В дальние края, / Станем новоселами и ты и я». Согласно стихотворению Э. Иодковского, перемещение имеет целью не движение собственно, а достижение результата – фиксацию на месте. В сборнике 1962 г. об участии молодежи в движении по освоению целинных и залежных земель говорится именно о закреплении на земле [В краю..., 1962].

Мы считаем эффективным изучение в ходе включенного наблюдения и опросов текстов, в которых носители локального самосознания характеризуют свою местность, топонимически выделенные орограммы (если так позволительно будет назвать маркированные собственным наименованием фрагменты местности внутри населенного пункта и в непосредственной близости от него), оценивают собственное проживание в данном населенном пункте и в целом вдали от «цивилизации» [Михайлов и др., 2020, с. 5; Орлов, 2006].

В ходе работы выявляются существенные семантические комплексы дома/домашности, хозяйственной деятельности, досуга, семьи/рода.

Семантика укорененности в таком самоописывающем тексте прежде всего результирует для употребления внешним наблюдателем (исследователем) осмысленность, весомость факта пребывания в комплексе ‘наблюдатель (мобильный, текущий)’ – ‘информант (устойчивый, оседлый)’.

Трудовая мобильность, конечно же, легко соотносится с негативными понятиями советского же времени «перекати-поле», «летун», «рвач» и т.п.

Оставаться на месте, сохранять, развивать на данном месте свой род для жителя Приенисейской Сибири – это ценность, о которой нужно заявлять вслух. При этом люди не всегда буквально следуют своим словесным декларациям и декларативному поведению. Множество примеров тому – в каждом населенном пункте, ср. ситуацию: глава администрации (авторитетный человек в поселении, из уважаемого рода) приобретает недвижимость во Вьетнаме (и анекдотически застревает во время пандемийных ограничений там), сотрудник администрации, приближенное к районным верхам лицо, приобретает каждому члену семьи по квартире в Красноярске по программе «Север – Юг», уезжает после этого в Германию, там живет на пособие для безработных, раз в году приезжает за арендной платой от сдаваемых квартир...

Ценностью для уроженца Сибири, согласно данным словаря под редакцией А.И. Федорова, становится ‘жить безвыездно на месте’.

Положительной коннотацией в восприятии более ранних поселенцев и в целом сибиряков обладает сочетание сем ‘раннее поселенчество’ и ‘безвыездное пребывание’ в Сибири, ср.: ‘первые (русские северные) переселенцы’, в отличие от последующих большей частью (южно)русских «волн»: я не из хохлов, я **в сибиряках** жила / **сроду** никуда не ездила. ...живу тут семьдесят годков безвыездно / Да я **здешнова рожденка** ‘местный житель’. Тут и помру; **Причендал** ‘приезжий’: Коренных семей всего 10 дворов. А больше все **причендалы**, просто нездешние, приезжие [Федоров, 1983].

Нахождение в данном месте для носителя енисейского локального сознания имеет положительную оценку: Туруханск для меня / ощущение дома / нет суеты // мой брат не мог жить здесь / ему нужно двигаться [осуждается уехавший брат]; раньше люди были лучше // кто родился здесь и прожил всю жизнь; Даже за медовые пряники в Красноярск не уеду / что там делать? / с севера я б никогда на материк не уехала [информант из Курейки] [Архив..., 2020–2021].

Признак укорененности противопоставлен способности к перемещению. Восприятие подвижности (вообще перемещений) специфично. В сибирском поселении его жителями и в их речи и представлениях (а ведь некогда именно по своей динамичности они оказались в Сибири) подвижность приобретает негативные свойства, ср.: поехать в Москву за песнями...; чо ты поедешь с редких кустов в густые кусты? чо тебе плохо здесь?; умотался в николаы ‘неизвестно куда’, ничо не знаю про его [Федоров, 1983].

Оценивается негативно и кончина не в своем доме: умереть не на своей лавочке; бродячая поселыга ‘сосланные в Сибирь’; когда населяли Сибирь российскими, у их речь друга, обряды; мы-то чалдоны, а они россейские, пришлые. Наши лапти не носили, да и не видали... [Федоров, 1983].

Позитивно оценено владение собственностью (скотом, недвижимостью).

‘обладание скотом, собственным двором’: ...война [раньше] за огород была / люди садили за деревней / везде садили // во-первых подворья были большие /

все держали свиней / коров / и по осени лишний картофель можно было продать / прямо мешками везли на баржи / приработок / а сейчас / огороды пустые / никто ничего не садит / заросло все борщевиком или вот пучкой [с. Ворогово].

‘строительство (нового) дома’, ‘личный вклад в строительство’: нравится мне здесь все / если построил все с нуля / ни тракторов / брус на себе таскал / на кобыле привозил / снегоходов не было ничего / развиваюсь / строюсь / вкладываюсь / [пос. Ермаковское].

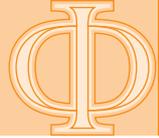
‘доверие друг к другу’: / люди другие / потому что Север / верите нет / я когда поехал в Минусинск / родственники там / когда я увидел двухметровые заборы / это был для меня шок / мне никто не верил / что у нас все штакетником / замки никто никогда не закрывал / у многих ключей уже замков нет / [пос. Старотуруханск].

‘красота места’, ‘чистый воздух, экологичность’: самое красивое место у меня; намного чище [воздух здесь] / чем в городах, где стоят заводы // сюда очень долго доходят вирусы [Архив..., 2020–2021].

Выводы. Таким образом, маркерами укорененности становятся в речи жителей поселений в ситуации предъявления собственного образа жизни для собирателя (=чужака, пришлого, временного) признаки обладания пространством и его частями, активная деятельность по хозяйственному пользованию инвентарем освоенного пространства. Подобные же феномены отмечались целым рядом других исследователей [Гынгазова, 2019; Букринская, Кармакова, 2015; Беднарчук, 2016; Богданов, 2001].

Библиографический список

1. Архив проекта «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы»: рукописные, машинописные, электронные материалы. Красноярск, 2020–2021.
2. Беднарчук А.И. К вопросу о функциях старшего поколения (бабушек и дедушек) в современной семье // Система ценностей современного общества. 2016. № 50. С. 143–148.
3. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство – СПб, 2001. 437 с. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
4. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина. Саратов: Амрит, 2015. С. 26–36.
5. В краю просторов и подвигов: Молодежь на целине: сб. документов. М.: Молодая гвардия, 1962. 280 с.
6. Ветлугин И. Мы стране обещанье даем // Сталинское племя. 1954. 28 февр. С. 2.
7. Гынгазова Л.Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Ч. 1: Речевые практики сибиряков. С. 55–95.
8. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40 – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск: ИГПУ, 1997. 158 с.
9. Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.

10. Макаров Н.П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6 (6). С. 816–841.
11. Макаров Н.П., Баташев М.С. Теория и практика археолого-этнографических реконструкций процесса этногенеза коренных народов Красноярского Севера // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 190–193.
12. Михайлов А.В., Михайлова Т.В., Ускова С.В., Чижова Е.А. Материалы к словарю рефлексивов Енисейской Сибири: антропонимы и топонимы в восприятии сибиряка. Красноярск: РИО СибГУ, 2020. 120 с.
13. Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136–148.
14. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 194 с.
15. Романтика целинной эпопеи. Стихи о покорителях целины в периодических изданиях научно-справочной библиотеки Государственного архива Новосибирской области. Б.м.: Б.и., Б.г. URL: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/page_1090/romantika.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
16. Тимошенко А.И. Индустриальное освоение Сибири в 1950–1980-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 4 (40). С. 47–51.
17. Тимошенко А.И. Мобилизационный характер освоения Арктики и Северного Морского пути // Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири. Программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. С. 245–286.
18. Федоров А.И. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983. 232 с.
19. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Политика переселения населения в России начала XX века – методология вопроса // Урбанистика. 2013. № 1. С. 31–72. DOI: 10.7256/2310-8673.2013.1.10383
20. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Спб., 1882.

Сведения об авторе

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-97>

MARKERS OF ROOTEDNESS IN THE SPEECH OF RESIDENTS OF SETTLEMENTS ALONG THE YENISEI RIVER

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The study of the current state of self-perception of the inhabitants of rural settlements of Yenisei Siberia should be based on the previous experience of studying the “colonization” (development) of Siberia in its various forms.

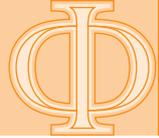
The paper considers the parameters of «rootedness» (stability) as a semantic complex opposed to “mobility”. The material was the speech of Russian-speaking residents of settlements along the Yenisei River, as well as residents of settlements on the Taimyr Peninsula of the Krasnoyarsk Territory. The author observes that informants emphasize a stable state at the actual observed time. To indicate the “rootedness”, informants use lexemes with the semantics of being in place, origin from a worthy ancestor, economic or other necessity of previous relocations, toponyms indicating the development of the territory.

The author comes to conclusions about the importance demonstrated to the collector for the informant as a functional manager of the locality of the status of permanent residence and full possession of his own territory of the settlement as a whole and its surroundings.

Keywords: *Yenisei Siberia, signs of rootedness, observations on speech, opposition of mobility and stylability.*

References

1. Archive of the project “Studying the self-consciousness of the inhabitants of the territory in self-descriptions and reactions to verbal stimuli”: Handwritten, typewritten, electronic materials. Krasnoyarsk, 2020–2021.
2. Bednarchuk A.I. On the question of the functions of the older generation (grandparents) in the modern family // *System of values of modern society*. 2016. No. 50. P. 143–148.
3. Bogdanov K.A. *Everyday life and mythology: Research on the semiotics of folklore reality*. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 2001. 437 p. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (access date: 10.02.2020).
4. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. The study of dialect text: a story-plate // *Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V.E. Goldin*. Saratov: Amirit, 2015. P. 26–36.
5. *In the land of open spaces and feats: Youth on virgin land: Collection of documents*. Moscow: Young Guard, 1962. 280 p.
6. Vetlugin I. We give a promise to the country // *The Stalinist tribe*. 1954. February 28. P. 2.
7. Gyngazova L.G. Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of the Siberian peasant woman // *The Verbal culture of Siberia in the All-Russian and European contexts (XIX – early XX century)*. Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2019. Part 1. Speech practices of Siberians. P. 55–95.
8. Zandanova L.V. *Resettlement of the peasantry to Asian Russia (late 40s – mid 60s of the XX century)*. Irkutsk: IGPU, 1997. 158 p.
9. Zelenin I.E. The Virgin Epic: development, adoption and implementation of the first Khrushchev “superprogram” (September 1953 – early 60s) // *Russian History*. 1998. No. 4. P. 109–122.

10. Nikolai P. Makarov. The Ancient Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Northern Indigenous Peoples In: Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. No. 6. P. 816–841.
11. Makarov N.P., Batashev M.S. Theory and practice of archaeological and ethnographic reconstructions of the process of ethnogenesis of indigenous peoples of the Krasnoyarsk North // Bulletin of Tomsk State University. History. 2013. No. 3 (23). P. 190–193.
12. Mikhaylov A.V., Mikhaylova T.V., Uskova S.V., Chizhova E.A. Materials for the Dictionary of Reflexives of Yenisei Siberia: Anthroponyms and toponyms in the perception of a Siberian. Krasnoyarsk: RIO Sibstu, 2020. 120 p.
13. Orlov I.B. Oral history: genesis and prospects of development // Domestic history. 2006. No. 2. P. 136–148.
14. Rezun D.Ya., Shilovsky M.V. Siberia, the end of the XVI – beginning of the XX century: the frontier in the context of ethnosocial and ethno-cultural processes / Ed. V.A. Lamin. Novosibirsk: Publishing house “Sova”, 2005. 194 p.
15. The romance of the virgin epic. Poems about the conquerors of virgin lands in periodicals of the scientific reference library of the State Archive of the Novosibirsk region. B.M.: B.I., B.G. URL: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/page_1090/romantika.pdf (access date: 20.11.2021).
16. Timoshenko A.I. Industrial development of Siberia in the 1950s–1980s. // Northern region: science, education, culture. 2018. No. 4 (40). P. 47–51.
17. Timoshenko A.I. The mobilization nature of the development of the Arctic and the Northern Sea Route // Mobilization strategy of economic development of Siberia. Programs and practices of the Soviet period (1920–1980s). Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2013. P. 245–286.
18. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia. Novosibirsk, 1983. 232 p.
19. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The policy of population resettlement in Russia at the beginning of the twentieth century – the methodology of the issue // Urbanistics. 2013. No. 1. P. 31–72. DOI: 10.7256/2310-8673.2013.1.10383
20. Yadrintsev N.M. Sibir' kak koloniya [Siberia as a colony]. St. Petersburg, 1882.

About the author

Mikhaylov Alexey Valerianovich – Candidate of Philology, associate professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk); e-mail: avm_2006_64@mail.ru